

Ирина Ащеулова, Галина Карпова, Людмила Ходанен и др.

Поэзия И. М. Киселева

// Ащеулова И.В., Карпова Г.И., Ходанен Л.А., Алексютина В.А. Литература Кузбасса XX – XXI века: учебное пособие / отв. ред И.В. Ащеулова; Кемеровский государственный университет. – Кемерово, 2013. – С. 45-55.

Игорь Михайлович Киселёв (1933-1981) родился в читающей семье. Отец, окончив Томский государственный университет, работал сельским учителем, преподавал литературу. Мама работала воспитателем в детском саду, писала стихи. Сам Игорь Киселёв начал писать стихи где-то с восьмого класса. Первая поэтическая публикация состоялась в газете «Комсомолец Кузбасса» 24 августа 1955 года. В 1966 году на Кузбасском семинаре молодых писателей Урала и Сибири рукопись первой поэтической книги Игоря Киселёва «Перецвет» получила высокую оценку. В 1970 году Игорь Киселёв был принят в Союз писателей СССР.

В Кемеровском книжном издательстве были изданы пять поэтических сборников: «Перецвет» (1966), «Ярославна» (1968), «Четыре дождя» (1971), «Человек приходит к человеку» (1975), «Ночные реки» (1980). В 1983 году посмертно в Кемеровском книжном издательстве вышел сборник стихотворений «Благодарю, земля, благодарю».

Союзную известность лирика Игоря Киселёва получила в 1987 году в первом номере журнала «Наш современник». Редакция журнала получила много читательских откликов, после чего в восьмом номере журнала «Наш современник», в этом же году, была опубликована новая подборка стихов – редкий случай. В третьем номере журнала «Наш современник» за 1989 год появилась новая публикация стихотворений кузбасского поэта. Журнал открыл рубрику «Память – ещё одна страница...». В 1989 году в московском издательстве «Советская Россия» вышел новый сборник стихов Игоря Киселёва «Под солнцем и ненастьем».

Исповедальность, искренность, философичность отличают лирику Игоря Киселёва. Поэт-романтик создал мир, в котором больше тепла, мечты, душевности, чем в окружающем его мире. «В калитку памяти стучась», поэт хочет сохранить мир юности не для того, чтобы противопоставить ему современность, а чтобы сохранить душевную цельность, единство собственного пути. То есть – не потерять себя, лучшее, чистейшее в себе» – так определил поэтическую самобытность Игоря Киселёва критик А. П. Казаркин (19; с. 65). В Кемерове в 1966 году прошел зональный семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Это свидетельствовало о том, что литературу Кузбасса признают на общероссийском уровне и выделяют перспективы ее развития. На этом совещании особо было выделено имя И. Киселева как талантливейшего поэта и впервые заявлена кемеровская поэтическая школа. Именно с этого времени можно числить начало поэтического пути Киселева, но ушел он уже в 1981 году, для поэта это чрезвычайно короткий срок. Как поэт он оформлялся в

контексте 1960-х, в знаменитый период «оттепели», период поэтического бума, поэтому поэзия Киселева, созданная именно в это время, уже интересна своим отражением времени, через изучение тематики, проблематики, мотивики, жанровой специфики мы можем погружаться в динамику того иного времени, увидеть его отраженный свет. То же можно сказать и о 1970-х как периоде не столько «застойном», как его окрестили социологи, экономисты, политологи, но периоде интенсивных поисков некой нравственной идеи, важной для интеллигенции этого времени. Поэтому хотелось бы посмотреть на поэзию Киселева как на некий комплекс проблемных тем и жанров.

Остановимся на первом сборнике поэта «Перецвет» (1966) и обратимся к его содержанию, уже на этом первом этапе анализа мы можем заметить много интереснейших нюансов, связывающих поэзию Киселева с эпохой, временем. Структура сборника продумана и разделена на 4 части. Первая часть открывается стихотворением «А вы? Вы любите дорогу?» и вся она о природе, о разных ее проявлениях, разных образах и ликах. Поэтому и дорога не асфальтовая, а лесная или полевая, луговая, пахнувшая мятой, утопающая в пыли. Но образ дороги в первом стихотворении сборника – это еще и некий символ, это дорога, зовущая читателя за собой, зовущая погрузиться в те мысли, тайны, раздумья, что волнуют поэта. И мы видим, что поэт – Игорь Киселев влюблен в природу русскую, сибирскую, во все времена года, во все стихии. В этом он схож с тихой лирикой 1960-х. И в жанровом отношении мы сталкиваемся со стихотворениями-описаниями, стихотворениями-пейзажами.

А вы?

Вы любите дорогу?

Не в душном поезде, не ту!

Не по шипящему гудрону

И не в молниеносном ТУ!

Такую –

Чтобы пахло мятой,

Дышали сыростью луга,

И в колее

От пыли мягкой

Тонула пыльная нога (23; с. 5).

Второе стихотворение называется «Тулинка» и оно о маленькой речке. После стихии земли (дорога) появляется стихия воды. С одной стороны, вода может угрожать человеку как первозданная хаотическая сила: «Есть реки без дна и края, / Сердитая в них вода. / Швыряют они, играя, / Двухпалубные суда». С другой стороны, вода может быть живой, ключевой, родной, возрождающей силы человека, каковой и является незаметная, «тихая моя Тулинка». Эта речка не бурная, не угрожающая, в ее полноводные воды не смотрятся города, но она милее сердцу лирического героя, потому что родная и понятная. Так же, как дорога в первом стихотворении, Тулинка символизирует путь героя по земле и по судьбе: «Я хочу, чтобы в путь всегда / Провожала меня живая, / Ключевая твоя вода! И связан этот путь с

ощущением родины».

Третье и четвертое стихотворение «Дом на разъезде» и «В лесу» посвящены описанию леса, а лес связан еще с одной природной стихией – ветром. Шум ветра по кронам деревьев напоминает о шуме моря, что связывает воедино несколько стихий: воздух, воду, землю. При этом старый дом в лесу напоминает своим скрипом корабль, уносимый ветром-морем в дальние странствия. Здесь вновь появляется образ дороги, но дорога эта уже не земная или водная, а символическая, дорога странствий, мечты, дом уплывает в символическое странствие ночью, а возвращается на заре. Лес становится не просто пространственным топосом, а местом для дыхания («как дышится в лесу»), слуха («как слышится в лесу»), творчества («как пишется в лесу»), надежды и веры («как верится в лесу»). Природное пространство как пространство, необходимое для жизни человека, описывается в жанре пейзажной зарисовки в следующих стихотворениях первой части сборника: «Четыре дождя», «Апрель», «Гроза», «Утро», «К вершинам утро прикасалось...», «Повороты света», «Осень». Перед нами, безусловно, вписывание жизни человека в природный цикл зима-лето; весна-осень с гармонизацией цикличности, вечной зависимостью человека от нее, необходимостью природного мира как дыхания, слуха, зрения. В этом смысле поэзия Киселева экологична. В первой, «природной» части сборника представлено и стихотворение-заглавие, давшее название всему сборнику – «Перецвет». Остановимся на нем.

*Тогда была такая осень —
Вся золотая иссиня!
Казалось, осень эту вовсе
Сменять не думает зима.*

*Октябрь, ко лбу приставив руку, —
Уж больно ясный свет лился, —
насквозь просматривал округу
Через прозрачные леса.*

*Он будто звал:
— Пойди, утешь их,
они печальны и чисты...
Но вот на ветках облетевших
Внезапно вспыхнули цветы! (23; с. 23-24).*

Речь в стихотворении идет о редком природном явлении, когда теплой осенью вдруг вновь начинают цвести яблони, вишни, сирень и черемуха. В природе это явление связано с теплой осенью, но негативно отражается на растениях, они как бы оказываются в стрессовом состоянии, готовясь к зиме, вдруг вновь набирают цвет. С одной стороны, теплая осень – это хорошо, но, с другой стороны, осеннее цветение – примета несчастья: «Завидев тоненькое пламя, / Не гаснущее на ветру, Трясли старухи головами / И бормотали: – Не к добру!». Однако в поэтике стихотворения все эти смыслы приобретают

совсем другое значение, лирический субъект не просто удивлен происходящим, он восхищен многообразием природного мира, смелостью цветов, перед ликом зимы вновь воскресающих весну и жизнь. Происходит «чудо», каковыми полна природа и в этом «чудесном» растворена и жизнь человека. Безусловно, цветы погибнут, уже «с востока/Плывут слепые облака», но чудеса жизни останутся всегда, в это вера поэта незыблема. Поэтому так органично соединяются в этом стихотворении жанр пейзажной зарисовки и философское размышление. Собственно, чудеса природы, творчества, жизни, любви, памяти, культуры и составляют сборник, а затем и все творчество Киселева.

Вторая часть сборника начинается со стихотворения о творчестве – «Когда горит и светится страница...», и здесь размышления о природе творчества, о природе литературы перемежаются с личностными размышлениями о себе, о своем месте в мире и литературе. Поэт как бы пытается вырваться из природного первой части и найти свое место и в литературе, и в себе самом. Темы любви, доброты, творчества, литературы, размышления о жизни и почти финальное – «Я должен стать самим собой...» «Что такое со мной, что такое»:

Что такое со мной, что такое...

Или годы стучатся сильнее?

Снятся кони мне, снятся мне кони,

Как засну – так увижу коней.

Кони рыжими челками машут,

Ночь росой и хрустом полна,

И кукушка кричит, и маячит

Над конями большая луна.

...

Но и все же, как спутник в дороге,

Ходит вслед, от меня ни на шаг,

Ощущение смутной тревоги,

Что живу я не там...

И не так... (23; с. 61).

Налицо жанр медитативного лирического стихотворения. И остальные стихи раздела связаны с размышлениями о любви («Не о любви...»), доброте («Доброта»), словах и культуре («Стихи о словах», «Стихи о Наташе Ростовской»), старости («Старики»), удивлении («Удивление»). Поэт как бы перебирает разные душевные состояния, разные возрасты, разные воспоминания и ищет себя, свое место в мире, думается, не случайно, последнее стихотворение раздела называется «Сумерки». С одной стороны, описываются сумерки как время суток, зыбкое время перехода из дня в ночь, но, с другой стороны, самосознание лирического субъекта оказывается сумеречным, тайным, что-то осталось в памяти, а что-то ушло навсегда, от этого грустно и кажется, что ничего в будущем уже не будет. Но как антитеза сумеречности природы и сознания выступает третья часть и четвертая.

Третья вновь возвращает нас к природе, четвертая открывает память о культуре, литературе как возможность единственного существования, как возможность цели творчества.

Третья часть начинается стихотворением о Кулунде, это река на Алтае, и населенный пункт, Алтай – малая родина Киселева. Как возвращение к родным корням звучат стихи о Кулунде. Четвертая часть посвящена теме читательской и литературной памяти – «Псков», «Оленька», «Говорят декабристы», «Тригорское в замети снежной...». В стихотворениях впечатления от поездки по пушкинским местам отсылают к более глубоким философским размышлениям о роли и месте таланта, гения и его творчества в истории культуры и всего человечества. Поднимаются проблемы предназначения человека, значимости звучащего слова или музыки, так как в оставшемся слове и звуке заложено бессмертие поэта. Так происходит в цикле «Встреча с Пушкиным», состоящем из 7 стихотворений. Конкретная поездка по пушкинским местам принимает форму лирических размышлений о значимости Пушкина и его творчества для всей русской культуры. Поэтому пространство, где жил Пушкин, воспринимается символически – как Пушкинская страна, и Псков, Михайловское, Тригорское, реки Великая и Сорочь воспринимаются в контексте его произведений. Культура и история оживают и становятся героями современной жизни, действие пушкинских поэм и повестей совершается здесь и сейчас.

То ли снег то ли дождичек с неба.

Дымом пахнет, и ветер суров.

И в душе, как трава из-под снега,

Смутно брезжит «Борис Годунов»... («Псков»).

Киселев перечисляет темы и мотивы поэзии Пушкина, упоминаются Пугачев, А. Керн, легкомысленная Зизи, святки и крестьянская девушка Ольга Калашникова как напоминание об Ольге из «Евгения Онегина», декабристы и их судьба, дуэль и смерть поэта. Однако, воссоздавая эпоху Пушкина, её черты, Киселев употребляет глаголы настоящего времени: санки *летят*, *торопится* рука, *стать* под пули, «убитый Пушкин/Свой последний *держит* путь» и т. д. Действия происходят сейчас, Пушкин жив и вновь проживает все события своей жизни. И сама жизнь, реальность пушкинского времени не уходит в небытие, а живет в настоящем стихотворении, слове, сознании читателя. Личностное переживание давно прошедших событий, закрепление их в слове, стихотворении, сознании читателя позволяют сохранить знаки культуры и её имена. Думается, что лейтмотивом данных стихотворений является мысль лирического субъекта о присутствии слова, поэта, текста в повседневной жизни, в природе. Ничто не исчезает, остаются знаки чужой жизни, чужой мысли в окружающем мире, в текстах русской литературы. В этом и заключается гармонический цикл протекания творческой жизни – остающееся слово бессмертно и ждет встречи с читателем.

Можно утверждать, что первый, авторский сборник Игоря Михайловича Киселева как бы выстраивает тематику, проблематику и

жанровую природу его поэзии на долгие годы вперед. С одной стороны, мы видим отражение духа 1960-х во внимании к природе, социуму и внутреннему миру человека, с другой стороны, в последующих сборниках появятся и экологические мотивы, звучащие уже на высокой драматической ноте («Молитва лани» сб. «Человек приходит к человеку» 1975; «Баллада о нерпеньше» и «Я не люблю охоты» из сб. «Ярославна» 1968). Но из сборника в сборник Киселев будет вставлять стихи, обращенные к культурной и литературной памяти читателя, как бы призывая постоянно размышлять над прошлым, а, значит, понимать настоящее и будущее: «Ярославна», «Стихи о Наташе Ростовской», «Моцарт», «Псков». <...>

Размышления о поэзии Кузбасса: образ поэта и поэтического труда в лирике кузбасских поэтов

Обратимся далее к стихотворению И. Киселева. Стихотворение посвящено Тарковским: отцу и сыну – поэтому в тексте узнаваемы мотивы, характерные для творчества того и другого. Это мотив книги, рукописи, предназначения поэта, являющийся одним из центральных в поэзии Арсения Тарковского, и мотив зеркала, отсылающий к одноименному фильму Андрея Тарковского. Основная мысль стихотворения заключается в отражении сюжета призвания поэта (и вообще человека творческого), но это не архетипическая ситуация становления поэта-пророка, а следование своей судьбе изначально, без вмешательства высших сил. Сюжет реализуется на нескольких уровнях. Во-первых, это композиция стихотворения. Первая и последняя строфы представляют собой рамку: зачин и финал-вывод, объединенные мифом об Орфее. Внутри этой рамки три строфы написаны в форме обращения к предполагаемому поэту, где предсказывается его поэтическая судьба. Стихотворение написано классическим 5-стопным ямбом, что позволяет увидеть в стихотворении традиции послания, элегии, философской миниатюры (М. Гаспаров). Во-вторых, сюжет призвания поэта проявляется на семантическом уровне, это философское размышление о пути поэта, на что, собственно, указывает сама структура стиха.

Итак, в начале пути поэта лежит некий знак, например ветер, как одна из стихий бытия, или образ книги, собирающей в себя смыслы бытия, или крик как образ звучащего голоса и слова. Этот знак заставляет поэта действовать – «Ты взял кифару в руки», то есть откликаться на зов бытия, мира, реальности. Кифара здесь выступает как древнейший инструмент поэта, наряду с лирой

данный певцу-поэту богом Аполлоном. Если кифара в тексте стихотворения – знак избранности, предназначения, то зеркало становится синонимом иных миров, открывающихся перед поэтом и его взором. Таким образом потустороннее проникает в душу и поэзию («И зеркала волшебного стекло / Тебе навеки душу обожгло»). Третья строфа ещё больше нагнетает ситуацию и декларирует зависимость поэта от его инструмента: языка, голоса, слова. Киселев как бы повторяет мысль Тарковского о вечном стремлении поэта к Слову, любым его выражениям и смыслам. Эту строфу можно прочесть в контексте творчества Арсения Тарковского, для которого понятия Слова, Словаря, Языка, Книги, Рукописи содержали мысль о бессмертии поэта. Поэтому голос всегда владеет «жизнью и судьбой». Далее сюжет призвания поэта развивается в четвертой строфе как мысль о вечном возвращении истинного поэта: «И, вновь родившись, вновь получишь ты / Всё те же и надежды и утраты...». Можно сделать вывод о том, смерть не властна над поэтом, ибо и после смерти, перевоплотившись, он вернется к своим словам и мыслям. Но главный тезис стихотворения, на наш взгляд содержится именно в «рамке» – повторе строк об Орфее и Эвридике. Обратимся к этим строкам.

В первой строфе они звучат следующим образом: «Ещё не раз оглянутся орфеи / На медленных прозрачных эвридик». В последней строфе: «Ещё не раз оглянутся орфеи / На медленных печальных эвридик...». Вспомним, что в мифе об Орфее и Эвридике это самый драматический момент, Орфей с помощью своей божественной игры вызволяет Эвридику из Аида, но нарушает запрет не смотреть на неё и оглядывается, не достигнув порога дома. Эвридика вновь возвращается в Аид. Что же заставляет Орфея нарушить запрет, почему не хватает терпения? Ответ Киселёв даёт тот же, что и Мандельштам в своём стихотворении «Бессонница. Гомер. Тугие паруса» – это любовь. Таким образом, любовь находится в начале призвания поэта, когда он слышит ветер бытия, и в финале жизни, и в следующей жизни. Искусство, и природный мир, и жизнь человека движется по ритмам любви. Именно ради этого «орфеи» – поэты всех времен творят свои слова. Делая вывод, можно отметить, что И. Киселёву удалось через обращение к одному поэтическому имени (Тарковского) погрузить читателя в комплекс культурных аллюзий, дающих возможность выстроить путь поэта.

Мотив памяти в лирике кузбасских поэтов

Память в философском аспекте представлена, на наш взгляд, в стихотворении И. Киселева «Память» из книги «Четыре дождя» (1971). Это достаточно программное для Киселева стихотворение, в котором отразились размышления поэта о природе памяти. Заглавие и первую строку стихотворения в данном случае можно рассматривать как тему, концептуальный тезис, а весь текст стихотворения как рему, ответ, развертывание тезиса. Именно поэтому стихотворение читается как повествовательный рассказ по определенной проблеме. Это подтверждает и стихотворный размер – двухстопный анапест. По замечанию М. Л. Гаспарова, трехсложные размеры отличаются подчеркнуто нейтральной семантикой, они применимы для любой тематики и воспринимаются как «стихотворная проза». Таким образом, структура стихотворения заранее задает повествовательную стратегию, это философское размышление о памяти.

Стихотворение строится как диалог лирического субъекта и некоего доктора: Как устроена память?

Догадайся поди.

И какими тропами

Память ищет пути?

...

Но ответ у ученых

На вопрос мой готов:

Сотня ламп электронных,

Километр проводов.

- Вы рукой не машите!

Все: и мудрость, бред –

Сохранится в машине

До скончания лет!

...

Что ж, я верю в науку

И рукой не машу.

- Доктор, можно на ухо

Потихоньку спрошу?

Причем обращение «доктор» можно понимать по-разному. Это и доктор наук, и доктор-врач, потому что память воспринимается лирическим героем как нарост, болезнь, наваждение, мешающее жить беззаботно. Доктор явно отсылает к рациональному и

разумному восприятию реальности, отсюда и рациональное объяснение памяти – это «таблицы и числа», информация, которую можно записать и хранить в памяти компьютера. И лирическому герою не чужда эта точка зрения, он признаёт, что «верит в науку». Однако сомнения одолевают героя, поэтому диалог с доктором превращается в монолог и череду вопросов – «можно спрошу?», так в текст стихотворения входит второй элемент оппозиции: рациональное / интуитивное. Проследим варианты вопросов: «А улыбку любимой / Записать вы смогли б?»; «Машина помнит запах цветка?»; «А звезду над водою»; «А девчонок у школы, / Что хохочут захлеб?». Перед нами два природных образа – цветок, звезда / луна, и два образа, связанных с жизнью человека – любимая и хохочущие девчонки (знак безопасности). Вместе же эти образы предстают как элементы неделимой реальности, которые невозможно уложить в память ЭВМ. Это память, связанная с познанием жизни, любви, радости и красоты, своего места в мироздании, воспоминаний детства. Это экзистенциальные основы человеческой жизни, открывающие жизнь души, её «распространение» в бытие, её отклик на «зов бытия» (Хайдеггер). Поэтому ответ на вопрос «Как устроена память?» заключен в проживании человеком своей жизни, состоящей из «боли и нежности», из глубин и душевных «метелей». Проживая жизнь и накапливая воспоминания о ней, человек обретает самого себя, интуитивно обретает знание о прошлом и будущем. Безусловно, Киселев придерживается точки зрения «лириков», отражающих чувственное переживание мгновений жизни, без попытки проникнуть в тайны бытия с помощью науки.